
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Александр Мелихов. На Васильевский остров...: Роман. СПб.: Лимбус Пресс, 2019. — 416 с.

Он уже состоялся как личность, пятидесятилетний герой романа, от лица которого идет повествование: доктор, профессор, главный теоретик лакотряпочной отрасли (юбилейная телеграмма пришла за подписью министра). Единственное, что может его задеть, — презрение к истине, фальшь. «Произнести слово, не измусолив трех монографий, кого-то не дослушать, чего-то не дочитать — все это вызывает у меня чувство совершенной гадости. ...Вступая в спор, большинство людей стараются не узнать что-то, а защититься от знания — даже не услышать: перекричать, обругать, заткнуть глот...» Его жизненное кредо: ответственность за тех, кого любишь. Он — человек размышляющий. Память постоянно возвращает его во времена беспечной студенческой юности, к годам взросления. Анализируя прошлое, он, самый преуспевший из своих друзей, хочет понять закономерности, повлиявшие на судьбу его умных, смелых, одаренных, уверенных в своем блестящем будущем товарищей. Почему растаяли их надежды и жизнь сложилась не так, как хотелось? Какие черты характера повлияли на выбор пути, какие принципы определили их судьбу? Куда загнали их фантомы, за которыми они гнались? Едко, остроумно Александр Мелихов расписывает «страсти» по распределению дипломников, по аспирантуре, по диссертации: механизмы, действующие в научном сообществе, подводные течения, русско-еврейский вопрос. Размышляет герой и о собственной эволюции, о том, как шло становление его личности: прощание со страстными влюбленностями и бешеными обидами от единственного слова, преодоление зависимости от чужих суждений («молодость: не факты, а мнения тебя заботят»), от лихорадочной нужды безостановочно с кем-то делиться, в ком-то отражаться, от самоудовлетворения фантазиями. Резюме: «А мир внешний в отличие от мира внутреннего не позволял довольствоваться самоуслаждением — он требовал итога, поступка»; «любые самоуслажденческие игры возможны лишь на бетонном фундаменте долга». Любовно изображается Ленинград, впрочем, город существует в двух измерениях и одновременно: Ленинград времен молодости героя и Петербург нынешний, и в первую очередь Васильевский остров, где на матмехе ЛГУ учились герой и его друзья, НИИ, где он работал. Улицы, здания, звуки, цвета, голоса, запахи, атмосфера советской жизни. «Здесь раскидывалось уличное кафе, где я заказал шесть бутербродов с ветчиной — высчитал, что так выйдет самая дешевая удельная калория, официантка думала, что шучу... А за этим строительным забором укрылись подвалы ресторана „Кавказский“, кой, если удавалось разжиться лишней десяткой, мы посещали, отстояв часовую возбужденную очередь, вкусить пижонского шика в восточном вкусе. Что за мускулистые подушечки лаваша там подавали — даже распаханные по карманам они и назавтра не осыпались и пружинили на зубах. Купаты змеями обвивали сталь шампуров, словно эскулапов посох, две-три реплики с соседями по столикам, вспрыснутые двумя-тремя бокалами гурджани и саперави, мгновенно распускались роскошными мужскими дружбами». Это густонаселенный роман. Основная сюжетная линия разветвляется, переплетается с второстепенными, кадры из разных времен сменяют друг друга. Студенческие друзья и их жены и подружки, сложные захватывающие судьбы, замечательная жена героя, добросовестная, чистосердечная, энергичная Катька, его любовный роман с аспиранткой,

щемящая нежность, отталкивание и любовь в отношениях героя с престарелыми родителями, проблемы с его собственными детьми. Но эта книга не просто многоуровневый роман, но и философское произведение, развивающее мелиховскую концепцию «человека фантазирующего», продолжение исследования роли фантомов в жизни конкретного человека и общества в целом, своего рода демонстрация того, куда фантомы заводят. Но — «с ними опасно, без них — невозможно». «В былые времена боевые песни слагали и горланили не для того, чтобы раздухариться и разойтись: их пели, чтобы воевать, — ни о каком искусстве для искусства никто не мог и помыслить, все гимны и хороводы чему-нибудь, да служили: богам, плодородию, свадьбам, похоронам... Но вот культура объявила себя своей собственной целью, ценности деяния были пережеваны и выплюнуты ценностями переживания — так истощившийся распутник, уже не способный на страсть к реальной женщине, начинает задрачиваться до смерти: долгий дрейф от эпоса к лирике сегодня завершается стремительным спуртом от индивидуализма к героину. Солипсизм как высшая стадия эгоизма: от “Существенны только мои интересы, к „Существую только я“. Уход во внутренний мир — это же так поэтично... Алкаш, торчок, шизофреник — окончательное торжество духа над материей, мира внутреннего над вульгарным внешним. Что общего у наркомана с романтическим лириком? И тот и другой считают высшей ценностью переживания, а не презренную пользу». Жестокий приговор нынешним временам. «Все должно служить человеку, и только он ничему не должен служить, и он это быстро просекает: любое усилие ради другого превращается в непосильную обузу. Казалось бы, уж какой кайф — любовь! Но — риск неудачи, столько хлопот, чтобы завоевать, а с победой новая ответственность: кормить, защищать... Нет уж, спокойнее оставить от любви голый секс». Жестокая отповедь нынешним временам. «„Но если все время смотреть в глаза горькой правде, для чего тогда и жить?“ Как для чего — назло! Назло этой твари — жизни: а вот я все равно буду жить и делать то, что считаю возможным, раз уж невозможно все остальное. „Но разве таким способом можно достичь счастья?..“ Что-о?! Да кто вам сказал, что мы живем для счастья, какая гнида выдумала это подлое слово, из-за которого мир с каждой минутой уходит все глубже под вселенскую помойку предательств, жестокостей и лжей?.. Думать, что человек живет для счастья, все равно что верить, будто он ест для удовольствия, а не для того, чтобы не подохнуть с голоду». Чувством долга руководствуется повзрослевший герой романа А. Мелихова.

Евгений Степанов. Татьяна Бек: на костре саможжения.

М.: Вест-Консалтинг, 2019. — 164 с.: ил. — (Судьбы выдающихся людей).

Поэт и время. Поэт и судьба. Татьяна Александровна Бек (1949–2005). Поэт, прозаик и издатель Евгений Степанов познакомился с Т. Бек в 1986 году: зашел в редакцию журнала «Дружба народов» в гости к своему знакомому, выяснилось, что тот уволился, а в его комнате, в отделе поэзии, сидит неизвестная ему женщина. Показал ей свои стихи. Через неделю она написала о нем хорошие слова на первой полосе в «Комсомольской правде». Е. Степанову было двадцать два года. Она взяла над ним шефство, учила поэтическим и филологическим азам-премудростям. Уже потом он узнает, что так подвижнически она занималась и с другими поэтами, продвигала их творчество в печати, на радио. Их дружба длилась более двух десятилетий, до самой ее смерти. Они писали друг о друге, обменивались стихами понравившихся им авторов, печатали эти стихи в изданиях, где работали. Долгие годы жили по соседству, тесно общались, говорили о смысле в поэзии и прозе, о поэтах-современниках, о книгах, о свойственной обоим «пассионарной неуместности», обсуждали общих знакомых. Общение с ней,

человеком с юмором и самоиронией, знатоком русской поэзии, было великой роскошью. Эта книга — дань любви и уважения к другу и выдающемуся поэту. Она включает собственные воспоминания Е. Степанова и его аналитические размышления о творчестве Т. Бек. Каким она была человеком? Непростым — порывистым, увлекающимся, резким. Жила небогато. Иногда денег не было совсем. Но никогда не просила. О ее личной жизни, не самой счастливой, Е. Степанов пишет скупно. И подробно — о насыщенной литературной жизни, которую вела Т. Бек: писала стихи, рецензии, делала интервью, составляла книги других поэтов, работала над архивами родителей — писателей А. Бека и Н. Лойко, редактировала чужие рукописи, преподавала в Литературном институте. Она была членом редколлегии и обозревателем журнала «Вопросы литературы», сотрудничала с «Общей газетой» и «Независимой газетой». «Она никогда не имитировала работу, а действительно вкалывала, как вкалывали ее предки, в том числе родители, родившиеся (это, на мой взгляд, очень важно!) до революции. То есть генетически она была — оттуда, из дореволюционной России, когда люди умели работать не за страх, а за совесть. ...И Татьяна — горя творческим огнем, как она писала, на „костре самосожженья“, встала вровень с родителями». Е. Степанов размышляет о судьбе поколения Т. Бек, познавшего две общественно-политические системы в своей жизни — социализм и капитализм. В СССР талантливые и признанные, вовлеченные в литературный мейнстрим авторы и великая андеграундная поэтическая группа, которую власть не замечала и никуда не пускала, существовали параллельно. После перестройки они слились в единый и мощный поток. Но если в СССР можно было жить литературным трудом, то в новой России ситуация изменилась. Советские издательства перестали издавать поэтические сборники, новых издательств еще не появилось. После 1987 года у Т. Бек, как у многих других поэтов, возникли проблемы с публикациями. Советская система была к ней благосклонна, ее активно печатали в периодике, выходили книги. В «новое время» у нее вышло только три книги, и то небольшими тиражами. Одна эпоха закончилась, в новой эпохе Т. Бек и многим другим представителям интеллигенции места не нашлось. «Вот эту эпоху безвременья она и выразила, написав честно и жестко: „Я вымираю, — как речь и раса, / Перебродившая чересчур“». Поэт Е. Степанов в главах «Рифменная система Татьяны Бек», «Разные редакции» делает профессиональный анализ поэтического мастерства Т. Бек, служившего главной задачей: показать тончайшие нюансы характера лирической героини, практически неотделимой от автора, личности с душой страдающей и высокой. «Стихосложение было и остается для меня доморощенным знахарским способом самоврачеванья: я выговаривалась... и лишь таким образом душевно выживала», — писала Т. Бек. Е. Степанов щедро наполняет свою книгу стихотворениями Т. Бек, передающими мироощущение поэта и человека, мироощущение, трагизм которого усиливался с годами. Книгой о неумолимой, лавинообразно, сокрушительно приближающейся кончине называет он сборник «Облака сквозь деревья». Общее настроение ее передают строки: «Как выпить жизнь до дна / И не сойти с ума? / Одна. Одна. Одна. / Сама. Сама. Сама». Это сказано не о себе, говорит Степанов, а о времени, в котором живет поэт, о своей генерации, об этносе. Ключевыми называет строки: «А вчера спросила Блока: / Чем заполнить дни, / Если кончилась эпоха / И не теплятся огни?» Роковым аккордом ее жизни, считает Степанов, стал тяжелый конфликт с представителями литературной братии, возникший из-за ее остро отрицательной реакции на панегирическое письмо ряда писателей в адрес Туркменбаши с предложением перевести на русский язык его стихи. «Негоже ни поэтам, ни мудрецам пред царями лебезить, выгоду вымогаючи», — ответила Т. Бек. Последовали звонки домой с оскорблениями и даже угрозами, а ведь со многими она была давно и хорошо знакома, работала вместе. «Она, конечно, очень сильно, смертельно устала, поскольку

была поэтом, то есть человеком без кожи, беззащитным и сильным», — пишет Е. Степанов. Она скончалась, по официальной версии, от обширного инфаркта, однако многие обсуждали вероятность самоубийства из-за травли, развязанной против нее. Вопрос остается открытым. В книге немало страниц посвящено литературной среде, безжалостной и беспощадной, и все-таки единственной, которую Бек знала с детства. В книгу включены интервью и блиц-интервью с поэтами и писателями, близко знавшими Т. Бек, дружившими с ней десятилетиями или учившимися у нее в Литинституте стихам и пониманию правды, испуганному всматриванию в ткань словесную и житейную. Они размышляют о ее поэзии, цитируют любимые ими стихи Т. Бек, говорят о ее роли в своей жизни и ее месте в пантеоне отечественной изящной словесности. Эта книга о большом поэте с трагической судьбой.

Нина Сапрыгина. По следам тайн Шекспира. Харьков: Мачулин, 2018. — 160 с.: ил.

«Хочу, чтобы мы навсегда расстались с образом Шекспира как старого бисексуала, который пристаёт с физической любовью к тем знатным, у кого недавно искал покровительства; как человека неискреннего, алчного и примитивного, с потугами на сальное остроумие. А такой он в большинстве русских переводов сонетов. Но будь он таким, он не стал бы учителем человечества». В произведениях Шекспира автор предстает как чрезвычайно эрудированный, высокообразованный человек, владеющий языками, знающий другие страны, быт самых высокопоставленных кругов тогдашнего английского общества, включая монархов, знакомый с придворным этикетом, родословными, языком самой высокородной знати. Мог ли таким автором быть Шакспер из Стратфорда, недоучка, мелкий ростовщик, в завещании расписавший все, от посуды до кровати, и — ни слова о книгах, а многие книги стоили дорого. Смерть этого Шакспера литературные круги не заметили, хотя в те времена было принято отзываться на смерть даже не очень известного поэта. О том, кто был Уильям Шекспир, величайший драматург, поэт и писатель всех времен и народов, спорят двести лет. Н. Сапрыгина придерживается антистратфордианских взглядов и развивает версию, убедительно обоснованную еще И. Гилюловым, что под псевдонимом Шекспир скрывался Роджер Мэннерс, граф Ратленд (1576–1612). Она скрупулезно анализирует детали биографий Шакспера из Стратфорда, в жизни которого немало несимпатичных историй. И задается вопросом: а совместимы ли писательство и коммерция, гений и крохоборство? Ее ответ, подтвержденный мнением психологов и литераторов: нет, несовместны. Подробно представлена биография пятого графа Ратленда. Здесь важны все нюансы. Происходя из королевского рода и, следовательно, обладая правом на престол (хотя из благоразумия не предъявлял таких претензий), Ратленд входил в придворный круг и был хорошо осведомлен о тайных пружинах государственной политики. Более половины пьес Шекспира связаны с изображением высших кругов общества и проблемой верховной власти в государстве. В 1596 году молодой граф отправился в Италию, где учился в университете города Падуя. Его однокашниками по университету были студенты из Дании, их имена попали в трагедию «Гамлет» — Розенкранц и Гильденстерн. В то время среди студентов Падуанского университета Ратленд являлся единственным англичанином. В его биографии вообще многочисленны совпадения с деталями шекспировских пьес. Использование семантико-смыслового подхода, предполагающего поиск отражения историко-биографических реалий в текстах, при обращении к сонетам Шекспира, позволило, как считает автор, проникнуть ей в тайну сонетов. Одна из главных развиваемых автором идей — об обратном порядке сонетов, то есть что они писались в последовательности,

обратной той, что напечатаны в Кварто 1609 года. Такое прочтение — от последнего сонета к первому — не только выявляет их соответствие биографии Ратленда, но и полностью разрушает миф о сонетах Шекспира. О том, что они в основном о любви. О том, что в них изображен треугольник, двое членов которого придерживались нетрадиционной ориентации и спорили о женщине. (Гомосексуальность автора как ключ к сонетам первым предложил Оскар Уайльд.) Версия Н. Сапрыгиной намного значительнее и трагичнее. Эпоха Шекспира — это время казней, доносов, пыток и сломанных судеб. История прошла и через судьбу Ратленда. Он участвовал в восстании против королевы Елизаветы, скорее, не по собственным убеждениям, а потому, что был другом лидера восставших графа Эссекса. И вместе с Эссексом и своим покровителем и другом Саутгемптоном вышел на площадь с вооруженными отрядами сторонников. А потом арест, допросы, пытки, суд. Эссексу и четверем его соратникам отрубили головы во дворе Тауэра на глазах у других осужденных по его делу. Еще несколько человек предали казни через потрошение на площади Тайберн. Ратленда через девять месяцев заключения в Тауэре отпустили на волю, назначив колоссальный штраф. Граф Саутгемптон вышел на свободу только после смерти королевы Елизаветы в 1603 году по амнистии короля Иакова I. Исследователи творчества Шекспира отмечают, что именно с 1601 года в творчестве поэта наблюдается резкий перелом в сторону трагического мироощущения. В биографиях других кандидатов на авторство, кроме Ратленда, в это время не происходило трагических поворотов. В 1603 году была впервые опубликована трагедия «Гамлет». И снова важная деталь: король назначил Ратленда главой делегации, посланной в Данию по случаю рождения наследника датского престола. В 1604 году вышло второе, увеличенное издание «Гамлета», где появились детали, относящиеся к дворцу датского короля. Н. Сапрыгина дает и свой перевод некоторых сонетов Шекспира (а каждый перевод — это вклад в культуру), и свои комментарии к ним. И вместо сомнительного любовного треугольника открывается истинная драма. Самое главное и страшное событие в жизни Ратленда — восстание и судьба друзей. И в сонетах — отсылки к казням, воспоминания и печаль о погибших друзьях, переживания о разрыве дружбы с графом Саутгемптоном, считавшим отпущенного на свободу Ратленда предателем. Барду было что шифровать в своих сонетах: даже спустя годы упоминать имена «преступников» запрещалось. Да и сонет 116 — это не воспевание союза двух гомосексуалистов, как любят сейчас комментировать, а посвящение свадьбе графа Ратленда и Елизаветы Сидни. Само слово *marriage* (женитьба) — предполагает бракосочетание мужчины и женщины, а не объединение в метафорический или реальный союз двух гомосексуалистов, в XVII веке однополых браков не было. Отзвуки жизни Елизаветы Сидни и таинственной истории ее мнимой смерти Н. Сапрыгина находит в пьесах «Отелло», «Цимбелин», «Зимняя сказка», «Много шума из ничего», «Буря». Отдельные главы книги посвящены реальным и фальсифицированным изображениям Барда, подтверждающим версию, что Шекспир — это Ратленд. Несколько в стороне от основной линии исследования находятся два эссе о шекспировской теме в творчестве Михаила Булгакова и Александра Грина.

Шамиль Куряев. Русский хлеб в жерновах идеологии. СПб.: Алетейя, 2019. — 386 с.

Сыт человек или голоден? — ключевой вопрос бытия, утверждает Шамиль Куряев, и ответ на него является определяющим при оценке любой исторической эпохи. Отсюда повышенное внимание представителей противоборствующих идейных лагерей к продовольственной проблеме. Идеинная борьба сопровождается активным историческим

мифотворчеством. Размах маятника умело создаваемого общественного мнения велик. Так, в конце 1980-х — начале 1990-х в ходе демонтажа советской системы «все знали» ужасный Советский Союз и процветающую Российскую империю, а уже к концу «лихих девяностых» возник постперестроечный синдром: «потерянным раем» и ностальгически вспоминаемым «золотым веком» оказался Советский Союз, а его антитеза — Российская империя — была обречена обернуться адом. Главными разработчиками и распространителями черной легенды о дореволюционной России, в том числе мифа о голоде в дореволюционной России, автор считает «неосоветчиков», поборников «советского ренессанса». Он подчеркивает, что своей книгой хотел противостоять активному историческому мифотворчеству, базирующемуся на предвзятых публицистических работах, конъюнктурной беллетристике и манипуляциях с официальной статистикой. Острая полемика с неосоветчиками, разбор их трудов — основное содержание книги. Автор идет «след в след» за современными авторами (М. Калашников, И. Пыхалов, П. Краснов, С. Нефедов). Приводит обширные цитаты, опровергает их интерпретации дореволюционных публицистических произведений, воспоминаний современников, статистических данных. Критическому разбору подвергаются и публицистические труды известных дореволюционных авторов, наиболее часто цитируемых «неосоветчиками»: «ниспровергателя и анархиста» Л. Толстого, «социалиста-утописта» А. Энгельгардта, «непоколебимого монархиста» И. Солоневича. Ш. Куряев дает этим авторам убийственные характеристики, но и восстанавливает купюры в цитатах из их произведений, допущенные современными авторами. Куряев — автор едкий, задиристый. Вот его ответ на заявление историка-математика С. Нефедова, что одной из главных причин голода в дореволюционной России была прожорливость лошадей, из-за чего хлеба для самих крестьян не оставалось: «Ведь к мужицкому столу, отталкивая крестьянских детей, протискивались прожорливая лошадь!.. — Попробовал бы какой-нибудь горожанин кормить свою лошадь „в основном зерном“, она бы у него быстро околела — либо от заворота кишок, либо от ламинита». По мнению Куряева, современные российские неосоветчики ведут свою работу по двум основным направлениям: всемерное возвеличивание СССР и беспощадная критика дореволюционной России. И появление в постсоветской России мифа о голоде в дореволюционной России не случайно. Слишком много в перестроечные и постперестроечные годы появилось страшной правды о голоде в Поволжье в 1921—1922 годах, о голодоморе 1932—1933 годов, о голоде во время ленинградской блокады и послевоенном голоде 1946—1947 годов. Опровергнуть это невозможно, поэтому для ослабления воздействия негативной информации утверждается, что «при царе было еще хуже». Еще одна цель: доказать, что Россия Николая II была обречена на революцию. Автор представил и свое видение исторических событий, связанных с голодом. Он подробно, со статистическими выкладками, в сравнении с другими странами, рассматривает место Российской империи в мировой хлеботорговле, состав импорта и экспорта, распределение выручки, структуру посевных и урожайность в России и других странах, истинное положение русского крестьянина и подлинные проблемы в аграрном секторе России. Отмечает нюансы статистического учета в России, тогда не совершенного. Так, по его мнению, надо учитывать факт занижения крестьянами показателей урожайных данных (меньше урожайность — ниже подати), в то время как в СССР показатели урожайности завышались. Подробно освещены события 1891—1892 годов, вошедшие в историю под названием Царь-голод: конкретные меры администрации, пусть и не всегда эффективные, деятельность либеральной общественности, сведенная лишь к критике администрации. Статистика показывает, что умирали не от голода, а от болезней, поражавших ослабленные организмы (сыпной тиф, дизентерия, холера, оспа), из-за потребления

в пищу некачественных продуктов и суррогатов. Подробно рассмотрена и продовольственная ситуация в России и Германии во времена Первой мировой войны. Интересное «филологическое» замечание: в предреволюционную эпоху слово «голод» имело гораздо более широкое значение, нежели сегодня. Так называлась всякая обозначившаяся нехватка каких-либо видов сырья, промышленных и сельскохозяйственных товаров, продовольствия или хотя бы скачкообразный рост цен на них. Сегодня подобные проблемы обозначаются словами «дефицит», «нехватка» «подорожание», «перебои», но никак не «голод». Применительно к сельскому хозяйству и продовольствию слово «голод» обозначало просто сильный неурожай, недород и — как следствие — значительный недостаток собственных зерновых (в той или иной местности). Это надо учитывать при обращении к дореволюционным источникам, где говорится о голоде. Автор проводит параллели между «голодом» в дореволюционной России и в СССР, и если в имперской России голод был вызван не политическими решениями, а стечением крайне неблагоприятных природно-климатических факторов и, как следствие, неурожаем, то в СССР причины его рукотворные. Советская аграрная политика, да и вообще СССР вызывают у автора полное неприятие. Ш. Куряев постоянно подчеркивает, что изучать надо факты, а не их политическую интерпретацию, и делится историческими сведениями о голодных годах в истории нашего государства.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)